

№ 26
93

ПОЛИТИЯ

Анализ

Хроника

Прогноз

ПОЛИТЕИА
№ 2 (77)

Москва
2015

841600

«ПОЛИТИЯ»

Журнал политической философии и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

“POLITEIA”

Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics

Учредители: АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»; Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционный совет: Председатель Совета С.И.Каспэ
Заместители председателя Совета:
А.А.Галкин, А.И.Музыкантский
Главный редактор Л.Е.Бляхер

Члены Совета:
Т.А.Алексеева, Ф.Т.Алескеров, И.М.Бунин, Л.А.Галкина (зам. главного редактора), С.Гельбах (Scott Gehlbach), И.И.Глебова, Дж.Данн (John Dunn), А.А.Дегтярев, А.Б.Зубов, М.В.Ильин, С.А.Караганов, В.А.Колосов, Т.Дж.Колтон (Timothy J. Colton), Ю.Г.Коргунюк, А.И.Кузнецов, Б.И.Макаренко, А.Ю.Мельвиль, С.В.Михайлов (зам. главного редактора), Д.Мюллер (Dennis C. Mueller), В.А.Никонов, Х.Нурми (Hannu Nurmi), Б.С.Орлов, Ю.С.Пивоваров, У.М.Райзингер (William M. Reisinger), Г.А.Сатаров, Л.-Г.Тайван (Leons Gabriels Taivāns), Д.Трейсман (Daniel Treisman), М.Ю.Урнов, С.М.Хенкин

Адрес редакции:
117997, Москва,
Нахимовский
проспект,
д. 51/21,
НИИОН РАН,
к. 302

Телефоны: Ответственный редактор номера Л.А.Галкина

(499) 713-02-64
8-901-183-02-64

Электронная почта: Электронная почта:
politeia@politeia.ru

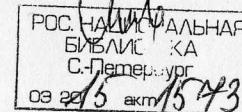
Перепечатка материалов издания без письменного разрешения редакции не допускается.

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2015

Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией редакции

Содержание

	Материалы номера	5
Российская полития	Л.В.Поляков Электоральный авторитаризм и российский случай	6
Российские регионы	Ю.О.Гайворонский Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения	21
	М.С.Турченко Факторы фрагментации партийных систем российских регионов (2003–2013)	38
Политические теории	С.И.Каспэ Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину)	54
	К.О.Телин Деноминация класса	66
Антитеза	Ю.В.Руднев Никколо Макиавелли и «тайное» знание эпохи Возрождения (Как государь может «уподобиться» льву и лисе?)	80
Политические культуры	Г.И.Мусихин «Блеск и нищета» политических ритуалов	98
Политические партии	А.В.Кынев Внутрипартийная демократия и вмешательство государства в партийную деятельность (Российский случай)	110
	Ю.А.Кабанов Пиратские партии: мировые тенденции развития	128
Рукописи не горят	Н.С.Розов Методология исследования и онтология исторической динамики кризисов и трансформаций	143
Губернаторские чтения	Экономика государства, экономика региона, экономика предприятия: проблемы системной устойчивости (Двадцатые Губернаторские чтения, Тюмень, 11 февраля 2015 г.)	169

Приложение	Наши авторы	188
	Our authors	189
	Abstracts	190
	X Конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина	195
	Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития»	196
	Table of Contents	198

Материалы номера

Статья **Л.В.Полякова** посвящена тестированию гипотезы, согласно которой постсоветскую Россию следует рассматривать в качестве «критического случая» электорального авторитаризма, проливающего свет на истоки силы и слабости этой модели в сравнительной перспективе.

В статье **Ю.О.Гайворонского** предпринята попытка сконструировать операциональную модель региональных политических режимов на основе синтеза ряда новых подходов в сравнительной политологии и политической регионалистике.

По заключению **М.С.Турченко**, несмотря на наличие в первой половине 2000-х годов условий для складывания в РФ региональных партийных систем, решающую роль в их формировании играла исполнительная власть, препятствовавшая появлению партий, способных конкурировать с «Единой Россией».

Отвечая на критические замечания и предложения, высказанные М.В.Ильиным в рамках ведущейся на страницах «Политии» полемики о понятии политической формы, **С.И.Каспэ** протестует против расширительной трактовки этого концепта, настаивая на ограничении его пространственными, в первую очередь центр-периферийными коннекциями..

В статье **К.О.Телина** рассматриваются возможности использования понятия «класс» в современных политических исследованиях, а также потенциально связанные с этим теоретико-методологические затруднения.

Анализируя некоторые концепты языка «Государя», отсылающие к традициям гуморальной медицины, астрологии, симпатической магии и алхимии, **Ю.В.Руднев** приводит аргументы в пользу того, что, говоря об уподоблении лисе и льву, Н.Макиавелли имел в виду не просто подражание их качествам, но определенную «тайную науку» или же «технику себя», как ее понимал М.Фуко.

Проведенное **Г.И.Мусихиным** исследование показывает, что, хотя непосредственное побуждающее воздействие ритуалов есть не более чем «договорная иллюзия» символического воздействия, значение ритуалов для современных сообществ не стоит недооценивать, ибо благодаря своему комплексному характеру они выполняют функцию стабилизации социального порядка.

На основе анализа широкого круга вопросов, связанных с внутренним устройством российских партий и их электоральной активностью, **А.В.Кынев** приходит к выводу, что из принятых в современных демократических странах механизмов, направленных на развитие внутрипартийной демократии, в России фактически используются только вариации на тему праймериз.

Согласно прогнозу **Ю.А.Кабанова**, трансформации пиратского движения продолжатся и станут определяющими для его будущего развития. Не последнюю роль в этом сыграет окончательный выбор пиратов: оставаться ли на радикальных, антиэлитистских позициях или двигаться в сторону медианного избирателя и общей политики.

В статье **Н.С.Розова** развернут ряд методологических и онтологических идей, направленных на интеграцию разделенных до сих пор подходов в социальном познании.

В 2010 г. наш журнал совместно с администрацией Тюменской области приступил к реализации проекта «Губернаторские чтения». В этом номере мы знакомим читателей с отчетом о **Двадцатых чтениях**, посвященных проблемам устойчивости российской экономики на макро-, мезо- и микроуровне.

шoчтф

М.С.Турченко

ФАКТОРЫ ФРАГМЕНТАЦИИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (2003–2013)

Ключевые слова: партийная фрагментация, региональные выборы, эффективное число партий, политические машины

Долгое время участие политических партий в региональных парламентских выборах было более чем скромным¹. В результате избирательной реформы 2002 г. ситуация изменилась. В соответствии с федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», с 15 июля 2003 г. во всех регионах страны не менее половины депутатов законодательных собраний должны были избираться по пропорциональной системе. Таким образом, участие списков политических партий в региональных парламентских выборах стало неизбежным.

Одним из побочных эффектов этой реформы было появление региональных партийных систем, о которых если и приходилось говорить ранее, то лишь применительно к отдельным «отклоняющимся случаям»². При этом степень фрагментации таких систем значительно различалась от региона к региону.

Цель настоящей статьи — выявить основные причины фрагментации партийных систем российских регионов в период 2003–2013 гг., когда в каждом субъекте РФ как минимум дважды прошли парламентские выборы по новым правилам. Эмпирическим коррелятом понятия «партийная фрагментация» является эффективное число избирательных партий. В работе рассмотрено, какую роль в фрагментации региональных партийных систем играли институциональные, социологические и политические факторы. В первой части статьи описаны наиболее значимые подходы к объяснению причин фрагментации партийных систем, а также дан обзор исследований, проливающих свет на причины избирательного доминирования «Единой России». Далее выдвинуты, обоснованы и операционализированы гипотезы исследования, а затем представлены результаты эмпирического анализа, проведенного с использованием метода множественной линейной регрессии. Главные выводы работы отражены в заключении.

¹ Голосов [Golosov] 2006; Hale 2007;
Кынев, Любарев [Kynev, Ljubarov] 2011.

² Gel'man, Golosov 1998.

Подходы к объяснению причин фрагментации партийных систем

³ Neto, Cox 1997:
149.

⁴ Дюверже
[Duverger] 2007.

⁵ Taagepera,
Shugart 1989: 19,
112.

⁶ Lipset, Rokkan
1967: 47.

⁷ Ordeshook,
Shvetsova 1994:
101.

⁸ Ibid.: 122.

⁹ См., напр. Neto,
Cox 1997; Mozaffar,
Scarritt, Galaiach
2003; Geys 2006;
Clark, Golder 2006.

¹⁰ См., напр. Гель-
ман [Gel'man]
2012: 66–67.

¹¹ Ross 2011.

Вопрос о причинах фрагментации партийных систем — один из классических в рамках электоральных исследований³. Для ответа на него в политической науке выработан ряд подходов.

Институциональный подход, основы которого были заложены еще М.Дюверже в опубликованной в 1951 г. работе «Политические партии»⁴, отводит ключевую роль в формировании партийных систем избирательным законам. В течение второй половины XX в. данный подход активно развивался в западной политологии. Было установлено, что главным параметром избирательных систем, влияющим на структуру партийной конкуренции, является величина округа⁵: чем она больше, тем выше должен быть и уровень политического плюрализма.

Второй, социологический, подход к объяснению причин партийной фрагментации подразумевает, что конstellация политических партий определяется прежде всего социальными характеристиками обществ, в которых эти партии функционируют, или политизированными общественными расколами. Одними из первых эту точку зрения выразили С.М.Липсет и С.Роккан⁶.

В рамках третьего подхода предполагается, что институциональные и социологические факторы влияют на число партий не порознь, а совместно. Проверка его состоятельности за последние годы было посвящено немало научных публикаций. Так, П.Ордешук и О.Швецова эмпирически протестировали гипотезу, согласно которой избирательные институты влияют на степень партийной фрагментации лишь в той мере, в какой это позволяет структура общества. Исследователи сконцентрировали внимание на таком параметре избирательных систем, как величина округа, а в качестве основного социологического фактора взяли степень этнической гетерогенности⁷. По их заключению, «если эффективное число этнических групп большое, политическая система становится довольно чувствительной к величине округа [то есть пролиферации партий способствуют высокая этническая фрагментация и большая величина округа]. Но если этническая фрагментация низкая, то лишь (курсив мой — M.T.) большая величина округа ведет к высокой партийной фрагментации. Наконец, если величина округа — единица, то партийная система относительно невосприимчива к уровню этнической... гетерогенности»⁸. Впоследствии этот вывод был подтвержден в ряде других исследований⁹.

Все три упомянутых подхода были разработаны на материале демократических государств. Однако в современной России политический процесс функционирует в иной логике и нередко характеризуется как избирательный авторитаризм¹⁰. Отсюда следует, что, помимо институциональных и социологических факторов, партийная конкуренция здесь может быть опосредована факторами политическими, а именно вмешательством федеральной и региональной исполнительной власти¹¹.

**Фрагментация vs.
доминирование:
случай России**

В научной литературе, посвященной эlectorальным процессам в России, практически не уделялось внимания объяснению кросс-региональных различий в фрагментации партийных систем. Лишь в недавно опубликованной статье Г.Голосова был рассмотрен механический эффект влияния ограничительных методов перевода голосов в места (Империали и «Тюменского метода») на степень партийной фрагментации в региональных парламентах. Было установлено, что подобные методы действительно сдерживают многопартийность на уровне ассамблей, способствуя сверхпредставительству крупных партий¹².

В то же время в последние годы появилось немало работ, где анализируются причины доминирования «Единой России» на региональных парламентских выборах¹³. При решении поставленных в настоящем исследовании задач содержание этих работ тоже нельзя обойти вниманием, так как в некотором отношении фрагментация региональных партийных систем и доминирование «Единой России» — две стороны одной медали.

По заключению Голосова, эlectorальные результаты «Единой России» на региональных выборах 2003–2007 гг. определялись рядом факторов. Первый из них был связан со степенью влиятельности регионального руководства. Успех сопутствовал «партии власти» в тех регионах, где губернаторы обладали достаточным влиянием, что позволяло им эффективно использовать свои властные ресурсы в ее интересах. Другой немаловажный фактор касался этничности. Высокие результаты «Единой России» получала там, где доля русского населения была относительно невелика. Наконец, доля голосов за «Единую Россию» во многом зависела от действий центра, активно манипулировавшего избирательным законодательством. Эти и некоторые другие факторы обеспечили эlectorальное доминирование «партии власти» и привели к всеобъемлющему контролю центра над региональным политическим процессом¹⁴.

На основе анализа региональных парламентских выборов с 2003 по 2011 г. О.Дж.Рейтер пришел к выводу, что результат «Единой России» был выше там, где у глав исполнительной власти имелись отложенные «политические машины»¹⁵. Такими, клиентелстскими по своей сути, «машинами» располагали прежде всего те губернаторы, которые были избраны населением региона на всенародных выборах¹⁶. Кроме того, Рейтером были статистически проверены многие другие предположения о факторах эlectorального доминирования «Единой России», взятые как из упомянутого исследования Голосова, так и из работ, выполненных на ином страновом материале.

Изучив эlectorальные показатели кандидатов от «партии власти» в одномандатных округах на 43 региональных выборах с 2008 по 2011 г., П.Панов и К.Росс установили, что результат выдвиженцев «Единой России» зависел от конфигурации и стратегий региональных элит и был выше в регионах с авторитарным политическим режимом¹⁷.

¹² Golosov 2014: 14.

¹³ Golosov 2011;
Panov, Ross 2013;
Reuter 2013.

¹⁴ Golosov 2011:
411–413.

¹⁵ Reuter 2013: 102.

¹⁶ Ibid.: 108–109.

¹⁷ Panov, Ross 2013:
750.

В работах Голосова, Рейтера, Панова и Росса был выдвинут ряд гипотез, полезных для данного исследования. Вместе с тем нельзя забывать, что, будучи отчасти обусловлены сходными факторами, партийная фрагментация и эlectorальный успех «Единой России» в регионах — разные феномены, которые подлежат, соответственно, отдельному изучению.

**Обоснование
гипотез
исследования**

В настоящем исследовании анализ причин фрагментации партийных систем в регионах осуществляется по региональным эlectorальным циклам, под которыми в данном случае понимается не более чем хронологическая последовательность региональных парламентских выборов. Первые выборы по новым правилам (прошедшие в период с 7 декабря 2003 г. по 12 октября 2008 г.) отнесены к первому циклу; вторые (состоявшиеся в период с 8 октября 2006 г. по 8 сентября 2013 г.) — ко второму. Некоторые регионы успели провести третьи по счету выборы по новым правилам, но эти случаи ввиду их немногочисленности вынесены за рамки исследования.

Исходя из рассмотренных выше подходов, можно сформулировать несколько гипотез относительно факторов, повлиявших на уровень фрагментации партийных систем в российских регионах.

Институциональные факторы. Следуя заключениям приверженцев институционального подхода, можно было бы предположить, что различия в уровне партийной фрагментации российских регионов определялись размерами избирательных округов, в которых происходило распределение мест между списками политических партий, однако проведенные ранее исследования заставляют усомниться в обоснованности такого предположения¹⁸. В российских условиях партийную конкуренцию сдерживали не столько размеры округов, сколько официально установленные заградительные барьеры¹⁹. В связи с этим «институциональная» гипотеза будет состоять в том, что в регионах со сравнительно невысокими заградительными барьерами партийная фрагментация усиливается.

Социологические факторы. В исследованиях, выполненных на материале демократических стран, в качестве важнейшего компонента социальной структуры, способного повлиять на уровень фрагментации партийных систем, нередко фигурирует степень этнической гетерогенности²⁰. Предполагается, что, поскольку этничность относится к тем характеристикам индивида и группы, которые легче всего поддаются политизации, такая гетерогенность является одной из ключевых предпосылок многопартийности. В статье будет протестирована применимость данного утверждения к полигэтническим субъектам Российской Федерации.

По заключению исследователей, опирающихся на опыт западных демократий, с ростом числа обладающих правом голоса сложность общественной структуры возрастает и расширяется круг вопросов,

¹⁸ См., напр.
Golosov 2006: 28.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ См., напр.
Ordeshook,
Shvetsova 1994:
101.

²¹ *Ankar* 2000: 306.

попадающих в политическую повестку дня²¹. Ввиду того что артикуляторами требований граждан выступают партии, с увеличением количества политически релевантного населения их число тоже должно расти. Это будет вторая гипотеза в рамках «социологической» группы.

Количество партий в российских регионах может также зависеть от доли проживающих там этнических русских. К настоящему времени появилось немало работ, где доказывается, что для регионов с относительно небольшой долей русского населения характерны закрытый политический режим и слабая политическая конкуренция²². Таким образом, представляется вероятным, что в субъектах РФ с малой долей этнических русских партийная фрагментация будет низкой.

Политические факторы. Как уже говорилось, на характер региональных политических процессов активно влиял федеральный центр, еще в начале 2000-х годов взявший курс на постепенное сокращение числа политических партий²³. Для достижения этой цели был осуществлен комплекс законодательных мер, квалифицируемых рядом исследователей как «контрреформы»²⁴, которые снизили партийное предложение на федеральном и региональном уровнях.

Могли отразиться на степени партийной фрагментации и факторы, обусловленные спецификой региональной политической жизни. В частности, можно предположить, что уровень партийной фрагментации был ниже в регионах с влиятельными губернаторами, располагавшими эффективными «политическими машинами», которые позволяли им обеспечивать высокие электоральные показатели «партии власти». Однако воздействие данного фактора, судя по всему, зависело от года проведения выборов. Поскольку со второй половины «нулевых» годов общее число партий в стране неуклонно сокращалось, проводившиеся позднее региональные выборы могли отличаться низким уровнем партийной фрагментации безотносительно к степени влиятельности главы исполнительной власти.

С особенностями региональных политических режимов связаны и три другие «политические» гипотезы. В соответствии с первой из них, в регионах, политические режимы которых обладали четко выраженным авторитарными чертами, в электоральном процессе участвовало меньшее число партий. Согласно второй, низким уровнем партийной фрагментации отличались регионы, губернаторы которых одними из первых сделали выбор в пользу «Единой России». Третья гипотеза состоит в том, что относительно слабая партийная конкуренция должна быть характерна для регионов со сплоченной политической элитой.

Наконец, в работе будет протестирана гипотеза о *совместном влиянии* на степень фрагментации региональных партийных систем *институциональных и социологических факторов*, а именно величины заградительного барьера и уровня этнической гетерогенности. Тем самым будет проверено, действительно ли при низких заградительных барьерах высокий уровень этнической гетерогенности способствовал пролиферации партий.

Операционализация переменных и источники данных

²⁵ См. *Голосов* /Golosov/ 2006: 251.²⁶ См. *White* 1980.²⁷ *Golosov* 2010: 181–182.²⁸ *Ordeshook, Shvetsova* 1994: 108.

Представленный в настоящей работе анализ осуществляется по двум региональным электоральным циклам, а его единицей выступает субъект Федерации. Выбор данного подхода определяется тем, что он позволяет отчетливее выделить факторы партийной фрагментации в кроссрегиональной и временной перспективах²⁵. В рамках первого цикла выборы по новым правилам состоялись в 87 регионах, в рамках второго — в 83-х. Основным методом исследования является множественный регрессионный анализ на основе метода наименьших квадратов с расчетом робастных стандартных ошибок²⁶.

Зависимая переменная, отражающая уровень фрагментации партийных систем субъектов РФ, — эффективное число электоральных партий (*ENPRI*). Этот показатель для каждой региональных выборов рассчитывался по формуле, предложенной Голосовым, которая точнее альтернативных индексов фиксирует уровень фрагментации систем с доминирующей партией²⁷:

$$N_p = \sum_1^x \frac{s_i}{s_i + s_1^2 - s_i^2},$$

где s_i и s_1 — доли голосов или мест, полученных i -той и лидирующей партиями соответственно.

Независимая переменная, относящаяся к институциональному фактору фрагментации партийных систем, представлена в значениях официально установленных заградительных барьеров (*Threshold*).

Операционализация этнической гетерогенности (*Ethnic Heterogeneity*) выполнена на основе подхода Ордешука и Швецовой, которые рассчитывали степень такой гетерогенности посредством вычисления эффективного числа этнических групп²⁸:

$$\frac{1}{\sum g_i^2},$$

где g_i — процентная доля населения, относящаяся к i -той этнической группе.

Численность избирателей (*Voters*) операционализирована через их количество (в миллионах человек), зарегистрированное на территории субъектов РФ в 2003 (для первого цикла) и 2010 гг. (для второго цикла); а доля этнических русских (*Percent Russian*) — через процентную долю русских по данным переписей 2002 и 2010 гг.

Вмешательство федерального центра в региональные политические процессы с течением времени нарастало (по крайней мере, в рамках первого цикла). Чем позже проводились выборы, тем в менее благоприятных для функционирования партий условиях они проходили. Поэтому при операционализации независимой переменной, отражающей влияние центра на региональные партийные системы, было решено использовать показатели года и месяца проведения парламентских выборов (*Time of Election*). Например, применительно к выборам, проведенным в октябре 2006 г., соответствующая переменная будет

составлять 6,83: целая часть числа показывает год выборов, а дробная — результат деления порядкового номера месяца на 12.

Влиятельность глав регионов (*Governor's Strength*) операционализировалась через процентную долю голосов, полученных ими на последних губернаторских выборах, в которых они принимали участие. Если в момент проведения выборов в ассамблею регионом руководил назначенец, переменная кодировалась как ноль. Данный способ измерения степени влиятельности губернаторского корпуса уже использовался в ряде исследований, посвященных российской региональной политике²⁹. Однако, поскольку при выдвижении гипотез было сделано допущение, что наличие влиятельного губернатора сдерживало партийную фрагментацию лишь до второй половины «нулевых» годов, для регрессионной модели была разработана также интерактивная переменная — степень влиятельности губернаторского корпуса с учетом временного компонента (*Governor's Strength × Time of Election*).

При определении степени демократичности региональных политических режимов (*Democracy*) был задействован экспертный рейтинг Московского Центра Карнеги, подготовленный Н.Петровым и А.Титковым и построенный на десяти различных социально-политических индикаторах³⁰. Для парламентских выборов первого цикла использовалась оценка демократичности регионов за 2003—2007 гг., для парламентских выборов второго цикла — за 2006—2010 гг.³¹ Ввиду отсутствия более ранних данных в случае Чеченской Республики индекс демократичности в первом выборочном цикле был взят за период 2004—2008 гг. Применительно к Агинскому Бурятскому, Корякскому, Таймырскому и Усть-Ордынскому Бурятскому автономным округам сведения о степени демократичности относятся к 2000—2004 гг. Источником информации здесь выступал индекс, подготовленный теми же авторами по той же методике в рамках проекта «Социальный атлас российских регионов»³².

Принадлежность главы региона к «Единой России» определялась на основании того, открывал ли он ее список на региональных выборах (*Head of List*). Однако участие губернаторов в избирательных кампаниях ЕР имело политические последствия лишь до тех пор, пока оно было хоть в какой-то степени добровольным. С марта же 2006 г. под давлением центра наличие губернаторов во главе списков «партии власти» стало уже не столько делом выбора, сколько негласной обязанностью³³. В связи с этим рассматриваемая переменная конструировалась в два этапа. На первом устанавливалось, возглавлял ли руководитель того или иного региона список «партии власти» (или региональную группу ее федерального списка, если региональные выборы совпадали с думскими). Если да, переменная кодировалась как единица, если нет — как ноль. На втором фиксировалось время, когда губернатор возглавлял список «Единой России». Если до марта 2006 г., то значение, полученное на первом этапе, умножалось на единицу, если в марте 2006 г. или поз-

²⁹ См., напр. Golosov 2011: 405; Reuter 2013: 110.

³⁰ Петров, Титков /Petrov, Titkov/ 2013: 5—6.

³¹ Там же: 25—28.

³² http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml.

³³ Golosov 2011: 406; Reuter 2013: 111.

³⁴ Golosov 2011: 406.

³⁵ Cm. Reuter, Remington 2009.

³⁶ Golosov 2011: 406.

³⁷ Reuter 2013: 112—113.

³⁸ Ibidem.

³⁹ <http://www.vybory.izbirkom.ru/> region/izbirkom.

⁴⁰ <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2010/07/13/chislennost.html>.

⁴¹ <http://db.geliks.org/>.

⁴² <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.

⁴³ http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12;http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

⁴⁴ Кынев [Kynev] 2009.

Эмпирический анализ

же — на ноль³⁴. Таким образом, данная переменная релевантна лишь для первого цикла региональных выборов.

В условиях построения вертикали власти, одним из важнейших элементов которой выступала «Единая Россия»³⁵, показателем разделенности региональных политических элит может служить наличие значимых для региона политических акторов во главе списка любой другой партии. Если это имело место, переменная «разделенность элиты» (*Elite Conflict*) кодировалась как единица, если нет — как ноль. Подобный способ фиксации внутриэлитного конфликта уже использовался в работах Голосова³⁶ и Рейтера³⁷, однако к числу ключевых представителей региональных элит там отнесен не совсем идентичный круг акторов. В настоящем исследовании воспроизведен подход Рейтера, который включает в региональную политическую элиту вице-губернаторов, членов Совета Федерации, председателей региональных законодательных собраний, а также мэров региональных столиц и городов с населением более 100 тыс. человек³⁸.

При конструировании переменных задействовалась информация из довольно широкого круга источников.

Сведения о результатах региональных парламентских выборов по спискам политических партий взяты из базы данных ЦИК РФ³⁹. Материалы сайта ЦИК использовались также для определения численности зарегистрированных в регионах избирателей на 7 декабря 2003 г. и на 1 января 2010 г.⁴⁰

База данных «Российская электоральная статистика» Центра со-действия демократии и правам человека «Геликс»⁴¹ послужила источником сведений о величине заградительных барьеров на региональных выборах, состоявшихся до 4 декабря 2011 г. включительно, а также о результатах губернаторских выборов. Информация о величине заградительных барьеров на региональных выборах в 2012—2013 гг. почерпнута из базы данных «Гарант»⁴².

Материалы сайтов Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.⁴³, касающиеся национального состава регионов, легли в основу переменных *Ethnic Heterogeneity* и *Percent Russian*.

Работа А.Кынева «Выборы парламентов российских регионов 2003—2009»⁴⁴ и база данных ЦИК РФ стали главными источниками информации о персональном составе списков политических партий на региональных парламентских выборах.

В табл. 1 представлены пять регрессионных моделей, сконструированных для объяснения причин различного уровня фрагментации партийных систем в первом цикле региональных парламентских выборов. Первая, вторая и третья модели тестируют гипотезы об институциональных, социологических и политических причинах соответственно. В четвертой проверяется гипотеза о совместном влиянии на развитие региональных партийных систем величины заградительного барьера

Таблица 1 Факторы партийной фрагментации (первый цикл)⁴⁵

⁴⁵ Здесь и в табл. 2 в ячейках приведены нестандартизированные регрессионные коэффициенты и значения робастных стандартных ошибок (в скобках).

	M1	M2	M3	M4	M5
Intercept	4,34*** (1,09)	2,21** (0,88)	7,75*** (2,21)	11,67*** (2,09)	10,46*** (2,55)
Threshold	-0,17 (0,17)	—	—	-1,17*** (0,31)	-0,52* (0,28)
Ethnic Heterogeneity	—	-0,16 (0,26)	—	-4,14*** (1,07)	-1,79* (1,01)
Voters	—	-0,35*** (0,12)	—	—	-0,16 (0,15)
Percent Russian	—	2,42*** (0,74)	—	—	1,84*** (0,63)
Time of Election	—	—	-1,07*** (0,26)	—	-1,01*** (0,23)
Governor's Strength	—	—	-6,15** (3,03)	—	-5,46** (2,65)
Democracy	—	—	0,09*** (0,02)	—	0,05*** (0,02)
Head of List	—	—	-0,80** (0,37)	—	-0,80** (0,34)
Elite Conflict	—	—	0,99*** (0,31)	—	0,69** (0,29)
Governor's Strength x Time of Election	—	—	0,84** (0,41)	—	0,74* (0,38)
Threshold x Ethnic Heterogeneity	—	—	—	0,55*** (0,16)	0,29* (0,15)
N	87	87	87	87	87
R2	0,03	0,21	0,61	0,23	0,69
Adj. R2	0,02	0,18	0,58	0,20	0,65

* p < 0,1

** p < 0,05

*** p < 0,01

и степени этнической гетерогенности. Наконец, пятая объединяет в себе четыре предыдущих.

Согласно полученным результатам, основные причины партийной фрагментации в первом цикле выборов были связаны с особенностями политического процесса как в регионах, так и в стране в целом (M3). На статистически значимом уровне получили подтверждение все гипотезы, выдвинутые в рамках «политической» группы. Эффективное число электоральных партий было ниже в регионах с закрытыми политическими режимами, а также там, где губернаторы принадлежали к «Единой России» и отсутствовали серьезные внутриэлитные разногласия.

⁴⁶ Доверительные интервалы с двух сторон от сплошной линии указывают на условия, при которых степень влиятельности глав регионов отражается на эффективном числе электоральных партий. Они статистически значимы до тех пор, пока одновременно располагаются ниже или выше нулевой отметки (см. Brambor, Clark, Golder 2006: 75–76).

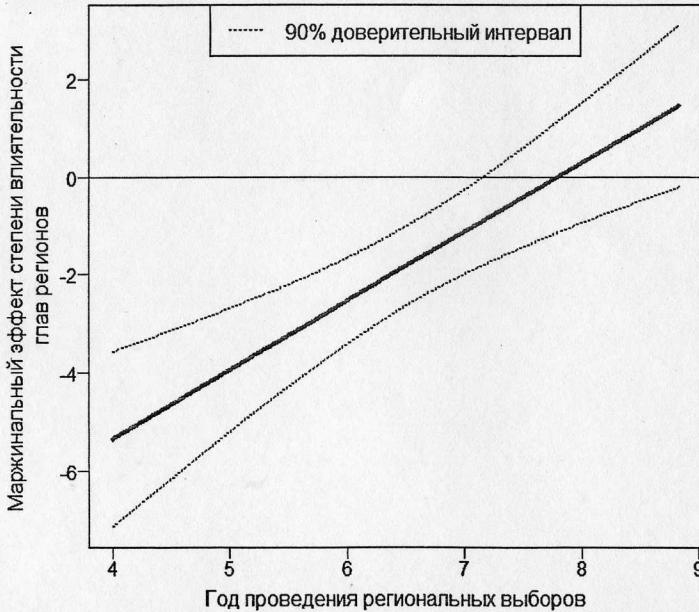
⁴⁷ См., напр. Clark, Golder 2006: 700–701.

Уровень партийной фрагментации был также ниже в регионах с влиятельными губернаторами, что подтверждает гипотезу об эффективности выстроенных ими «политических машин». Вместе с тем было обнаружено, что данная закономерность постепенно сошла на нет. Как видно из рис. 1, влиятельные главы субъектов Федерации сдерживали фрагментацию партий лишь до начала 2007 г. (с этого времени доверительный интервал маржинального эффекта теряет статистическую значимость⁴⁶). Дело, по-видимому, заключается в том, что к этому моменту под воздействием центра число жизнеспособных партий сократилось кардинальным образом и «партийное меню» практически во всех регионах стало примерно одинаковым безотносительно к силе губернатора.

Институциональные (M1) и социологические (M2) факторы обладают гораздо меньшей объяснительной силой, нежели политические. Более того, по отдельности они объясняют меньшую долю вариации зависимой переменной, чем вместе (M4).

Совместное же влияние этих факторов носило довольно неожиданный характер. В противоположность западным демократиям⁴⁷, этническая гетерогенность российских регионов не способствовала партийной фрагментации, а, наоборот, сдерживала ее. При этом, как следует

Рисунок 1 Маржинальный эффект степени влиятельности глав регионов (первый цикл)

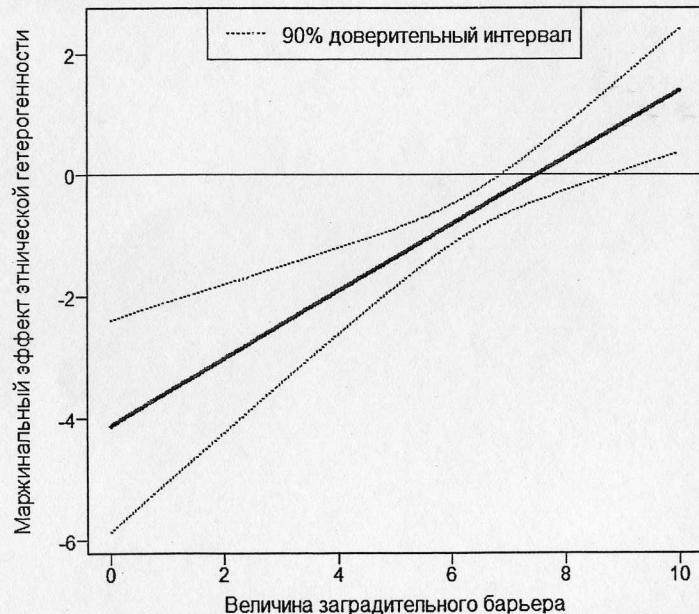

из расчета маржинальных эффектов (см. *рис. 2*), такое сдерживающее влияние возникало при небольшой величине заградительного барьера⁴⁸. Подобная ситуация, по-видимому, обусловлена тем, что, помимо республик, высокая этническая гетерогенность присуща автономным округам, где по целому ряду особых причин (небольшая численность и плотность населения, значительные расстояния между населенными пунктами и т.д.) уровни фрагментации были низкими. При этом в шести из восьми автономных округов заградительные барьеры были ниже 7% либо их не было вообще.

⁴⁸ Любопытно, что при высоких заградительных барьерах (близких к 10%) этническая гетерогенность не только переставала сдерживать, но и начинала поощрять фрагментацию. Так, в Калмыкии, где был установлен 10-процентный заградительный барьер, эффективное число электоральных партий составляло 3,19.

⁴⁹ Golosov 2011: 401.

Рисунок 2 Маржинальный эффект этнической гетерогенности (первый цикл)

В *табл. 2* представлены регрессионные модели, сконструированные для объяснения причин различного уровня фрагментации партийных систем во втором цикле региональных парламентских выборов. Алгоритм их построения был таким же, как и при построении моделей для первого цикла.

Как и в первом цикле региональных парламентских выборов, основную роль в объяснении вариации зависимой переменной играют политические факторы (M3), однако их сила существенно ниже. Лишь одна «политическая» переменная в этой модели одинаково значима для обоих циклов — *Democracy*. Переменная «разделенность элит»

Таблица 2 Факторы партийной фрагментации (второй цикл)

	M1	M2	M3	M4	M5
Intercept	2,24*** (0,58)	1,57*** (0,37)	-1,48*** (0,46)	3,20 (2,48)	-1,59 (1,34)
Threshold	0,01 (0,09)	—	—	-0,08 (0,36)	0,03 (0,18)
Ethnic Heterogeneity	—	-0,01 (0,09)	—	-0,67 (1,70)	-0,09 (0,87)
Voters	—	-0,03 (0,09)	—	—	-0,10 (0,09)
Percent Russian	—	1,03*** (0,35)	—	—	-0,01 (0,32)
Time of Election	—	—	0,16*** (0,04)	—	0,19*** (0,04)
Governor's Strength	—	—	2,01 (1,34)	—	2,58* (1,35)
Democracy	—	—	0,07*** (0,01)	—	0,07*** (0,01)
Elite Conflict	—	—	0,18 (0,24)	—	0,11 (0,24)
Governor's Strength × Time of Election	—	—	-0,20 (0,13)	—	-0,24* (0,13)
Threshold × Ethnic Heterogeneity	—	—	—	0,06 (0,25)	-0,01 (0,13)
N	83	83	83	83	83
R2	0,00	0,15	0,46	0,07	0,52
Adj. R2	0,00	0,11	0,43	0,04	0,45

* p < 0,1

** p < 0,05

*** p < 0,01

потеряла объяснительную силу, что отчасти является следствием того, что во втором цикле региональных выборов внутриэлитные конфликты, как правило, не выходили за рамки «партии власти», когда дело касалось электоральной борьбы. Интерактивная переменная, отражающая степень влиятельности губернаторов с учетом временного компонента, чуть вышла за пределы статистически значимого уровня, но вернулась в его границы в пятой модели (где и будет подробно рассмотрена).

Применительно ко второму циклу модель, объединяющая институциональные и социологические факторы (M4), оказалась практически бесполезной для объяснения степени фрагментации региональных партийных систем, равно как и «чистая» институциональная модель (M1). Причина состоит в том, что в подавляющем большинстве российских регионов, включая автономные округа и республики, были установлены 7-процентные заградительные барьеры.

Несколько большей (по сравнению с четвертой и первой моделями) объяснительной силой обладает социологическая модель (M2), но единственно за счет переменной *Percent Russian*, которая к тому же утрачивает статистическую значимость при соприкосновении с политическими факторами.

Полная модель (M5) объясняет примерно 50% вариации зависимой переменной. Особого внимания в ней заслуживает значимость интерактивной переменной *Governor's Strength × Time of Election*. Для корректной ее интерпретации был рассчитан маржинальный эффект, отображенный на рис. 3. Из рисунка видно, что во втором цикле региональных парламентских выборов высокая степень влиятельности глав регионов оказывала статистически значимое ограничительное воздействие на число партий с 2011 г.

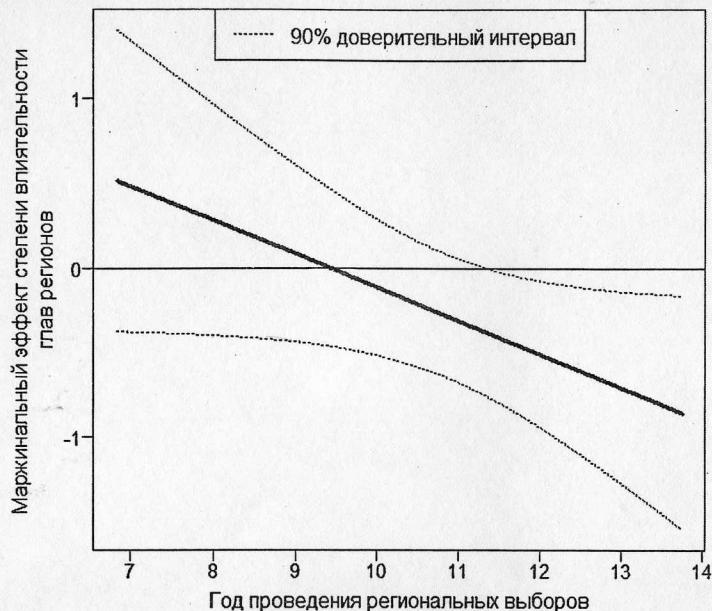
Данному феномену можно предложить следующее объяснение. С 2011 г. на волне мобилизации избирателей, недовольных *status quo*, стал значительно сокращаться уровень электоральной поддержки «Единой России», что закономерным образом привело к увеличению партийной фрагментации на региональных парламентских выборах⁵⁰. Активизация оппозиционных партий, произошедшая в то время, потребовала более интенсивного использования в интересах «партии власти» ресурсов «политических машин», которыми обладали влиятельные губернаторы. В итоге их воздействие на уровень партийной фрагментации опять, как и в период до 2007 г., стало заметным.

⁵⁰ Справедливость этого утверждения подтверждается сравнение значений эффективного числа электоральных партий на региональных выборах второго цикла, состоявшихся до 2011 г., с аналогичными показателем на более поздних выборах того же цикла. Результаты теста Манна-Уитни показывают, что с 2011 г. значения эффективного числа электоральных партий увеличились (результат статистически значим на 1-процентном уровне в левостороннем teste).

Заключение

В западных исследованиях, посвященных поиску причин партийной фрагментации, главное внимание уделяется институциональным и социологическим факторам. Предполагается, что число партий обусловлено параметрами избирательных систем, существующими общественными расколами или их совместным влиянием. Данных объяснений, однако, недостаточно для понимания причин партийной фрагментации в российских регионах.

Рисунок 3 Маржинальный эффект степени влиятельности глав регионов (второй цикл)

Проведенный анализ показывает, что основные факторы, определившие эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2003–2013 гг., были связаны с активностью федерального центра и высших должностных лиц субъектов Федерации. Воздействие первого заключалось в создании неблагоприятных для появления значимых партий условий. Воздействие же глав регионов происходило из наличия у наиболее влиятельных из них ресурсов «политических машин», которые использовались в интересах «партии власти», способствуя снижению общего уровня фрагментации. При этом эффект от деятельности таких «машин» наблюдался до 2007 г., пока политическая борьба на региональном уровне сохраняла более или менее конкурентный характер, и с 2011 г., когда политическая конкуренция вновь на некоторое время вернулась.

Устойчивое влияние на уровень фрагментации партийных систем российских регионов оказывал и такой фактор, как характер регионального политического режима. Регионы с большей политической открытостью имели более высокий уровень партийной фрагментации, и наоборот.

Полученные результаты демонстрируют, что, несмотря на наличие в первой половине 2000-х годов условий для складывания региональ-

ных партийных систем, решающую роль в их формировании играла исполнительная власть, препятствовавшая появлению значимых для избирателей партий, способных конкурировать с «Единой Россией». Если таковые и возникали, то исключительно в результате внутриэлитных разногласий, которые ко второму циклу региональных парламентских выборов по новым правилам практически сошли на нет. Таким образом, проведенное исследование указывает на существенную роль политических факторов при формировании партийных систем в режимах электорального авторитаризма.

Библиография

- Гельман В.Я. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. № 4 [Gel'man V.Ja. 2012. Rascvet i upadok elektral'nogo avtoritarizma v Rossii // Politeia. № 4].
- Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика 1993—2003*. — СПб. [Golosov G.V. 2006. Rossijskaja partiynaja sistema i regional'naja politika 1993—2003. — SPb.].
- Дюверже М. 2007. *Политические партии*. — М. [Duverger M. 2007. Politicheskie partii. — M.].
- Кынев А.В. 2009. *Выборы парламентов российских регионов 2003—2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы*. — М. [Kynev A.V. 2009. Vybory parlamentov rossijskikh regionov 2003—2009: Pervyy cikl vnedrenija proporcional'noj izbiratel'noj sistemy. — M.].
- Кынев А.В., Любарев А.Е. 2011. *Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция*. — М. [Kynev A.V., Ljubarev A.E. 2011. Partii i vybory v sovremennoj Rossii: ehvoljucija i devoljucija. — M.].
- Петров Н.В., Титков А.С. 2013. *Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю*. — М. [Petrov N.V., Titkov A.S. 2013. Rejting demokraticnosti regionov Moskovskogo Centra Karnegi: 10 let v stroju. — M.].
- Anckar C. 2000. Size and Party System Fragmentation // *Party Politics*. Vol. 6. № 3.
- Brambor T., Clark W.R., Golder M. 2006. Understanding Interaction Models: Improving Empirical Analyses // *Political Analysis*. Vol. 14. № 1.
- Clark W.R., Golder M. 2006. Rehabilitating Duverger's Theory: Testing the Mechanical and Strategic Modifying Effects of Electoral Laws // *Comparative Political Studies*. Vol. 39. № 6.
- Hale H.E. 2007. *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. — Cambridge.
- Gel'man V., Golosov G.V. 1998. Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 14. № 1—2.
- Geys B. 2006. District Magnitude, Social Heterogeneity and Local Party System Fragmentation // *Party Politics*. Vol. 12. № 2.

Golosov G.V. 2006. Disproportionality by Proportional Design: Seats and Votes in Russia's Regional Legislative Elections // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 1.

Golosov G.V. 2010. The Effective Number of Parties: A New Approach // *Party Politics*. Vol. 16. № 2.

Golosov G.V. 2011. Russia's Regional Legislative Elections, 2003—2007: Authoritarianism Incorporated // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3.

Golosov G.V. 2014. The Effects of Proportional Seat Allocation Methods upon Legislative Fragmentation: Evidence from Russia // *European Politics and Society*. 28.10.

Lipset S.M., Rokkan S. 1967. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. — N.Y.

Mozaffar S., Scarritt J.R., Galaich G. 2003. Electoral Institutions, Ethnopolitical Cleavages, and Party Systems in Africa's Emerging Democracies // *The American Political Science Review*. Vol. 97. № 3.

Neto O.A., Cox G.W. 1997. Electoral Institutions, Cleavage Structures, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*. Vol. 41. № 1.

Ordeshook P.C., Shvetsova O.V. 1994. Ethnic Heterogeneity, District Magnitude, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*. Vol. 38. № 1.

Panov P., Ross C. 2013. Sub-National Elections in Russia: Variations in United Russia's Domination of Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. № 4.

Reuter O.J., Remington T.F. 2009. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4.

Reuter O.J. 2013. Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 29. № 2.

Ross C. 2011. The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3.

Taagepera R., Shugart M.S. 1989. *Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral System*. — New Haven, L.

White H. 1980. A Heteroskedasticity-Consistent Covariance Matrix Estimator and a Direct Test for Heteroskedasticity // *Econometrica*. Vol. 48. № 4.

шоу-тв

НАШИ АВТОРЫ

Гайворонский Юрий Олегович — аспирант кафедры сравнительной политологии, преподаватель департамента политической науки НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории региональных политических исследований НИУ ВШЭ.

Кабанов Юрий Андреевич — преподаватель департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных и социальных наук НИУ ВШЭ.

Каспэ Святослав Игоревич — доктор политических наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ, председатель Редакционного совета журнала «Полития».

Кынев Александр Владимирович — кандидат политических наук, доцент департамента политической науки НИУ ВШЭ, эксперт Комитета гражданских инициатив.

Мусихин Глеб Иванович — доктор политических наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ.

Поляков Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор департамента политической науки НИУ ВШЭ.

Розов Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

Руднев Юрий Владимирович — аспирант Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Телин Кирилл Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова.

Турченко Михаил Сергеевич — преподаватель департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ, аспирант НИУ ВШЭ.

шоу-тв

OUR AUTHORS

Gaivoronsky Yury Olegovich — Graduate Student at the Department of Comparative Politics, Lecturer at the School of Political Science at the National Research University *Higher School of Economics* (NRU HSE), Junior Researcher at the Laboratory for Regional Political Studies, NRU HSE.

Kabanov Yury Andreevich — Lecturer at the Department of Applied Political Science, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, NRU HSE.

Kaspe Svyatoslav Igorevich — Doctor of Political Sciences, Professor at the School of Political Science, NRU HSE, Chairman of the Editorial Board of the Journal *Politeia*.

Kynev Alexander Vladimirovich — Ph.D. in Political Science, Associate Professor at the School of Political Science, NRU HSE, Expert at the Committee of Civil Initiatives.

Musikhin Gleb Ivanovich — Doctor of Political Sciences, Professor at the School of Political Science, NRU HSE.

Polyakov Leonid Vladimirovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the School of Political Science, NRU HSE.

Rozov Nikolai Sergeevich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Rudnev Yury Vladimirovich — Graduate Student at the School of History, NRU HSE.

Telin Kirill Olegovich — Ph.D. in Political Science, Researcher at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Turchenko Mikhail Sergeevich — Lecturer at the Department of Applied Political Science, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, NRU HSE, Graduate Student at NRU HSE.

ABSTRACTS

RUSSIAN POLITY

Leonid Polyakov

ELECTORAL AUTHORITARIANISM AND RUSSIAN CASE

The article is devoted to the analysis of the hypothesis proposed by V.Gel'man, according to which the post-Soviet Russia should be viewed as an "crucial case" of electoral authoritarianism that sheds light on the origins of the strength and weakness of this model in a comparative perspective. Having thoroughly analyzed Gel'man's arguments in the context of the Russian political history of the last two and a half decades, L.Polyakov failed to find convincing evidence of either this hypothesis or even justification of classifying the country's political regime into the category of "electoral authoritarianism" per se. The research conducted by the author rather demonstrates the uniqueness of the Russian "authoritarianism" and that the conventional methods of description within the modern Western comparative politics fail to capture its specificity.

RUSSIAN REGIONS

Yury Gaivoronsky

REGIONAL POLITICAL REGIMES IN RUSSIA: CONCEPTUAL INNOVATIONS AND MEASUREMENT POSSIBILITIES

The article attempts to construct an operational model of regional political regimes based on the synthesis of a number of new approaches in comparative politics and political regionalism. On the basis of the multidimensional models of subnational regimes elaborated by R.Turovsky and S.Mazzuca, Yu.Gaivoronsky suggests that the transformation of regional polities should be measured along three vectors: "dependence", "authoritarianism", and "patrimonialism". The multidimensionality of the model allows us to analyze regional regimes in greater detail. Moreover, in contrast to most of the existing indexes, the model makes use of verifiable data rather than expert evaluations. The empirical testing of the model on the data from the Russian regions reveals its validity and the possibility of its application for political studies.

Mikhail Turchenko

FACTORS OF PARTY SYSTEMS FRAGMENTATION IN RUSSIAN REGIONS (2003–2013)

The Western scholarship devoted to unraveling causes of party fragmentation mainly focuses on institutional and sociological factors. The parameters of electoral systems, the existing social cleavages or their combined effect are expected to influence the number of parties. These explanations, however, do not suffice to comprehend causes of party fragmentation in the Russian regions. The research study prepared by M.Turchenko shows that the effective number of electoral parties in the regional elections of 2003–2013 is largely determined by the factors related to the activity of the federal center and senior officials at the subnational level. The author concludes that in spite of the presence of the favorable conditions for the development of regional party systems in the first half of the 2000s, the executive branch that prevented the emergence of parties that were capable of competing with the "United Russia" played a decisive role in the formation of the regional party systems.

POLITICAL THEORIES

Svyatoslav Kaspe

MORE ON THE NOTION OF POLITICAL FORM: FORM AND SUBJECT Reply to Mikhail Ilyin

The article by S.Kaspe represents another round of his polemic with M.Ilyin about the notion of political form unfolded on the pages of the journal *Politeia*. Responding to the criticism and suggestions made by Ilyin, the author a) protests against the broad interpretation of this concept insisting that it should be limited by spatial, primarily center-periphery, connotations; b) indicates the prospective and pragmatic orientation of his research, in contrast to more retrospective and theoretical studies by the opponent; c) considers that clarifying the relationship between the concepts of political form and political subjectivity is the most promising venue for further research in this field of knowledge. Who determines where the center is and draws borders? Who determines contours of the political form? And who is able to destroy them?

Kirill Telin

DENOMINATION OF CLASS

The article examines possibilities of using the concept of class in the contemporary political studies as well as theoretical and methodological difficulties potentially associated with its usage. According to the conclusion by K.Telin, under the modern conditions the notion of class is used not only with scientific, but also with manipulative purposes, with a blind eye towards the